

1 ЦАРСТВ

Урок 35 - Глава 21.

В прошлый раз мы начали изучать раздел Библии, посвящённый побегу Давида от параноидального и склонного к убийству царя Саула. Это важный поворотный момент в истории искупления, поскольку до сих пор Давид был частью правительственной администрации царя Саула и его внутреннего двора. Но с этого момента они становятся смертельными врагами, и именно с этой платформы Давид завершит своё кажущееся маловероятным восхождение на трон Израиля в качестве помазанного Богом земного царя.

Давайте перечитаем всю 21-ю главу 1-й книги Царств, чтобы сориентироваться.

ПЕРЕЧИТАЙТЕ всю 21-ю ГЛАВУ 1 КНИГИ ЦАРСТВ.

Давид бежал в Номву, где действовало какое-то святилище **ЯХВЕ**, его пребывание там, вероятно, длилось не более дня. Город Номва располагался недалеко от Гивы, родного города царя **Шауля** и основного места, откуда он действовал. Существует много предположений относительно точного местоположения Номвы, но всё больше и больше библейских археологов, и исследователей Библии уверены, что Номва, вероятно, располагалась в том месте, которое в наше время называют горой Скопус, с которой открывается вид на Иерусалим. Те, кто бывал в Израиле, знают, что это короткая прогулка (несколько сотен метров) от горы Скопус к подножию Храмовой горы.

Есть предположение, что Давида сопровождали товарищи, потому что он сказал первосвященнику Номвы, что их послали вперёд, и именно поэтому первосвященнику показалось, что он путешествует один. Что касается новозаветных евангельских повествований, в которых упоминается этот случай, по-видимому, существовала еврейская традиция, согласно которой с Давидом действительно были какие-то люди. Однако здесь нет ничего, что указывало бы на то, что Давид был правдив с первосвященником в этом отношении. На самом деле вся встреча Давида с Ахимелехом, первосвященником Номвы, была полна обмана, и вскоре это привело к непреднамеренным последствиям уничтожения каждого человека, связанного со святилищем Номвы. Мне кажется весьма сомнительным, что так же умело, как Давид и Ионафан работали над раскрытием царского заговора с целью убийства Давида, затем был разработан план на случай, если Давиду потребуется тайно ускользнуть от Саула, то в считанные часы у него внезапно появится контингент людей, привязанных к нему, когда он поспешно отступал на короткое расстояние от Гивы до Номвы.

Стихи 2, 3 и 4, по-видимому, указывают на то, что единственной целью Давида было сначала сбежать в Номву, чтобы он мог взять немного еды и оружия для более длительного путешествия. Поскольку Давид был членом двора царя Саула и был посвящён в то, как действовал царь и кому он обычно доверял, он, несомненно, знал, что Ахимелех и священники в Номве понятия не имели, что Саул намеревался убить Давида или что Давид был в процессе бегства. Таким образом, Ахимелех был просто наивным человеком, которого Давид использовал, чтобы обеспечить себя.

Давайте сделаем паузу на мгновение, чтобы рассмотреть политический и религиозный климат Израиля в то время, потому что наше понимание действий Давида и реакций тех, с кем он вступал в контакт, зависят от нашего знания обстоятельств.

Первое: Израиль ещё не был суверенным государством. Царь Саул пытался объединить группу из 12 колен в единую страну, но ему это не удалось. По существу, было две первичные племенные коалиции израильтян, которые сформировали еврейский народ в эту эпоху, и эти две коалиции находились в оппозиции друг к другу. Одна коалиция состояла из тех племён, которые располагались в центральной и северной областях Ханаана, возглавляемых в то время коленом Вениамина. Царь Саул был из колена Вениаминова. Другая коалиция состояла из колен, расположенных в южной части Ханаана, во главе с Иудой. Давид был из колена Иудина.

Второе: филистимляне были очень активны и постоянно были занозой в боку Саула, но присутствовали и другие враги. Моав был врагом и даже захватил некоторую территорию в районе, который когда-то контролировали Рувим и Гад (на восточном берегу реки Иордан).

Третье: важнейшее левитское священство было расколото. Существовало по меньшей мере два первосвященника и, следовательно, по меньшей мере две группы обычных священников (каждая группа была верна святилищу, за которым наблюдал их первосвященник). Первосвященник и простые священники в Номве, вероятно, считались наиболее законными и авторитетными в то время. Ахимелех был потомком Илия, первосвященника, который воспитал Самуила. Таким образом, Самуил узаконил Ахимелеха, поскольку Ахимелех происходил от своего наставника Илия.

Четвёртое: первое святилище левитского священства (когда Иисус Навин впервые повёл Израиль через Иордан) находилось в Силоме. Но скиния, существовавшая там десятилетиями, пришла в упадок и была заброшена. Это место было разрушено, и священнослужители покинули этот район. Прямо об этом не сказано, но, поскольку здесь, в 21-й главе 1-й книги Царств, правнук Илия (который был первосвященником в Силоме), является действующим

первосвященником в Номве, мы можем разумно предположить, что эти священники Силома мигрировали в Номву, чтобы возобновить свою деятельность.

Пятое и, возможно, самое важное: Господь Бог оставил царя Саула. Царь Саул был лишён присутствия Иеговы и даже Его влияния (по крайней мере, влияния в положительном смысле). Это привело Саула к нынешнему состоянию иррациональности, горечи, паранойи и ненависти к Давиду. Саул (с духовной точки зрения) больше не был законным царём над Божьим народом, и всё, что оставалось, - это чтобы земная политическая реальность узнала об этом факте. Теперь Саул был полноправным врагом Иеговы, он не собирался отказываться от трона, данного ему Господом, и не собирался добровольно передавать его человеку, которого Господь избрал в качестве его преемника: Давиду. Царь Израиля был готов сражаться насмерть, чтобы защитить то, что он считал своим, несмотря на то, что в глубине души знал, что у него нет шансов на успех.

Имея это в виду, давайте продолжим. Давид приходит к Ахимелеху в Номву и просит еды и оружия. Единственной доступной пищей был хлеб, который только что убрали из святилища. Закон Торы гласил, что каждую субботу 12 буханок этого специально приготовленного хлеба должны были быть положены «перед Господом» на стол для выпечки, который находился в передней комнате шатра святилища. 12 хлебов, которые были выставлены там на прошлой неделе, должны были быть изъяты и съедены священниками и левитами в месте расположения святилища (не внутри шатра, а поблизости). Ахимелех предложил отдать 5 из 12 буханок этого только что изъятого хлеба Давиду и его вымышленным людям. По общему мнению, это было серьёзным нарушением закона, который гласил, что только священники могли есть этот освящённый хлеб. Я не знаю, беспокоил ли этот факт Давида или священников в Номве, но это, безусловно, оказало влияние на будущие поколения. На самом деле этот инцидент стал настолько печально известным, что более 1000 лет спустя еврейское общество всё ещё помнило о нём. Откройте свои Библии на 2 главе Евангелия от Марка, мы будем читать, начиная со стиха 23.

ПРОЧИТАЙТЕ ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАРКА 2:23-27.

Здесь мы видим не что иное, как то, что Мессия **Йешуа** вспоминает этот случай с Давидом, взявшим священную часть хлеба из святилища и съевшим его. То, что Иисус использовал это в контексте субботнего инцидента, в который Он был вовлечён, заставляет меня думать, что (по крайней мере, в еврейской традиции) событие, о котором мы читаем в истории о Давиде в 1-й книге Царств, на самом деле произошло в субботу, в тот самый день, когда хлеб был заменён 12 свежими буханками (что означает, что Давид убежал в субботу, что, я думаю, вполне вероятно).

Такое сходство не случайно, у нас есть взаимосвязь с Давидом, ранней тенью Мессии (и, предположительно, некоторыми из последователей Давида), убегающими от анти-царя (**Шау́ля**) в субботу. Иисус 1000 лет спустя вспоминает этот инцидент и соотносит его с субботним спором с фарисеями и пророчеством в Евангелии от Матфея 24 главе о явлении антихриста в конце времён, в котором последователям Бога сказано бежать из Иудеи в горы и молиться, чтобы это событие не произошло зимой или в СУББОТУ.

ПРОЧИТАЙТЕ ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАТФЕЯ 24:15-21.

В чём проблема побега в горы в субботу? Это нарушение Божьей заповеди не делать никакой работы и не отправляться в путешествие в субботу. Таким образом, даже бегство, чтобы спастись от антихриста, будет сопряжено с определённой долей греха, если оно совершено в субботу.

В течение многих уроков я учил вас, что для того, чтобы понять Новый Завет чуть глубже поверхностного уровня или понять его так, как он был изначально задуман, нам сначала нужно прочно закрепить в нашем сознании основы Ветхого Завета. И что Ветхий Завет и Новый Завет - это просто одна объединённая Библия, которую христианство искусственно (и с трагическими последствиями) разделило на два раздела: один раздел был объявлен мёртвым, исчезнувшим и заменённым другим, более новым разделом. На самом деле оба Завета необходимы и тесно переплетены, и сейчас подходящее время, чтобы продемонстрировать этот факт.

Переверните в своих Библиях несколько страниц назад и откройте 12-ю главу Евангелия от Матфея. В этой главе записан этот же рассказ, на самом деле этот инцидент с Христом, собирающим зерно в субботу, есть во всех трёх синоптических Евангелиях (от Матфея, Марка и Луки), в каждом из которых несколько иной акцент.

ПРОЧИТАЙТЕ ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАТФЕЯ 12:1-6.

Я не буду здесь долго останавливаться, но я хотел бы расширить ваше понимание того, что происходит в этой истории о Христе и его учениках, собирающих зерно в субботу, включив фактический контекст истории, рассказанной в 1-й книге Царств. Главный вопрос, стоящий перед нами, заключается в следующем: почему история о том, как Давид взял хлеб в Номве, уместна и представляет **Йешу́а** и его учеников, собирающих и поедающих зерно с поля (не рядом с храмом) в субботу? И я хотел бы сказать, что по крайней мере часть ответа содержится в довольно загадочном заявлении **Йешуа** в стихе 5.

Евангелие от Матфея 12:5: **«Или вы не читали в Торе, что в Шаббáт коганíм нарушают Шаббат, но всё же невиновны?»**

Странно. Здесь мы слышим, как **Йешуа** говорит, что (согласно Торе) в **шаббат** священники «нарушают субботу», и даже более того, что они при этом считаются непорочными (предположительно, Богом). И это также в некотором роде параллельно тому, что произошло в Номве, когда Ахимелех дал Давиду хлеб предложения.

Современное христианское объяснение этого заключается в том, что **Йешуа** отчитывал фарисеев и других за традиции, которые привели к тому, что священство осквернило субботу. Но речь здесь идёт не об этом, и далее **Йешуа** говорит, что указание священникам осквернять субботу исходит из Торы.

Нет, дело не в традициях. Проблема заключается в следующем: самый фундаментальный принцип субботы заключается в том, что она должна быть днём отдыха для всех. Это делается как в ознаменование, так и для имитации завершения творения, празднование которого также является знаком того, что те, кто соблюдает субботу, являются Божьим народом. Никакая «обычная» работа не должна выполняться. Никакой огонь не должен разжигаться. Никакого сбора или приготовления еды. И всё же священники должны, как обычно, «работать» в храме, зажигать огонь на алтаре, забивать животных и ритуально приносить их в жертву Господу. Затем должны прийти левиты и навести порядок и так далее. Заменяется хлеб, и священники едят то, что было приготовлено за предыдущую неделю. Всё это и многое другое происходит в храме в субботу, и это предписано Господом в законе Торы.

По сути, у нас есть конфликт (и Христос признаёт это). С одной стороны, Бог приказывает, чтобы никто не выполнял обычную работу, иначе это грех и осквернение субботы, но, с другой стороны, левитскому священству также приказано Богом выполнять свою обычную работу, чтобы соблюдалась суббота. С другой точки зрения, священники в некотором смысле нарушают Тору (совершают грех) для того, чтобы простые евреи получили выгоду от искупления своих грехов и подтверждения своих отношений с Яхве (жертвоприношения в субботу являются национальными, общинными жертвоприношениями для израильтян как группы людей).

Позвольте мне сказать это по-другому: священники проявляли милосердие, продолжая свою обычную работу в субботу (и, таким образом, грешили), потому что Бог требовал жертвоприношений в день субботний от имени людей, чтобы они были в мире с Богом. Вот почему Христос мог сказать, что, хотя священники оскверняли субботу, они перед Богом считаются невиновными, потому что им было приказано это сделать. Милосердие превзошло строжайшее следование букве закона, когда столкнулись два закона.

Таким образом, уместна аналогия между тем, что делал Христос, позволяя Своим голодным ученикам собирать зерно (работать) в субботу, и тем, что сделал первосвященник в Номве, дав Давиду освящённый хлеб. Давид был человеком, нуждающимся в пище. Он убегал от убийцы. Он был голоден (и, по-видимому, эти призрачные люди тоже были голодны). Первосвященник Ахимелех проявил к Давиду милосердие и осквернил субботу, дав Давиду хлеб, предназначенный только для священников. И всё же Христос сказал, что то, что сделал Ахимелех, было лучшим поступком.

По сути, это аргумент **каль вэ хомёр** (лёгкий против тяжёлого), который **Йешуа** предлагал фарисеям, которые противостояли Ему. Это аргумент о том, что некоторые законы Бога имеют больший вес, чем другие законы, и было неизбежно, что регулярно Божьи законы сталкивались, и верующему приходилось выбирать, какому из них подчиняться, а какой нарушить, когда возникала такая ситуация. Например, Тора ясно даёт понять, что законы, касающиеся сохранения невинной жизни, имеют больший вес, чем законы о соблюдении ритуалов. Таким образом, если в субботу кто-то видит животное, упавшее в яму, или человека, попавшего в беду, тот, кто обнаружит проблему, обязан принять все необходимые меры для их спасения, независимо от того, сколько работы или путешествий потребуется.

Мы видели ту же концепцию в истории о добром самарянине, когда священник не помог человеку, оказавшемуся в крайней нужде, из-за того, что священник боялся, что этот человек может быть мёртв (или умереть на его попечении), и из-за этого священник осквернится (и это верно согласно закону Торы), но ненавистный самаритянин действительно помог этому человеку, не думая о личном осквернении, потому что жизнь и благополучие пострадавшего были важнее, чем возможность его заражения очень серьёзной ритуальной нечистотой смерти.

Фарисеи времён Иисуса при всей своей самоправедности неукоснительно стремились следовать букве закона Торы, но они нарушали ДУХ закона, когда игнорировали человеческие нужды, если думали, что это может каким-то образом заставить их согрешить или стать нечистыми. Они проигнорировали величайшую заповедь (основополагающую заповедь, на которой покоятся все остальные заповеди) - любить Господа, Бога твоего, всем своим разумом, сердцем и силой и любить своего ближнего (нашего ближнего человека) как самого себя.

Видите ли, именно из-за нашей падшей природы и падшей природы мира, в котором мы существуем, всё человечество оказалось перед дилеммой. Так никогда не должно было быть. Ничто не действует так, как должно, потому что грех стал всепроникающим. Бог не создавал ошибочное творение, скорее, человечество (начиная с Адама) извратило его. Почти ежедневно мы

оказываемся в ситуациях, когда нас почти вынуждают грешить. Как часто мы делаем кому-то комплимент, который не является правдой, но это изящный и милосердный поступок. Врачи, полицейские, работники скорой помощи и другие люди должны работать в субботу на благо всех нас. Нам постоянно приходится выбирать между повиновением одному закону Божьему и другим, даже если мы можем сознательно не думать об этом.

В предыдущем уроке я привёл пример Кэрри Тен-Бум, которая прятала евреев от нацистов во время Второй мировой войны. Когда её спросили о местонахождении евреев, которых она скрывала, она солгала. Она бросила вызов своему правительству, укрывая еврейских беглецов. Она нарушила гражданский закон, сделав то, что сделала. Тем не менее, она также спасла невинную жизнь. Если мы грешим во имя того, чтобы грешить по уважительной причине или ради чего-то лучшего, разве это больше не грех в глазах Бога? Ответ на это заключается в том, что это действительно всё ещё грех. Но то, что мы проявляем милость к другим, сознательно желая взять грех на свои плечи, - это лучший поступок, и этого ожидает от нас Отец, и Христос говорил об этом в этой истории о срывании колосьев в субботу. Это неразрешимая ситуация - вот почему нам нужен Мессия. Вот почему ни один человек не может утверждать, что он безгрешен, даже если он утверждает, что следует букве закона Торы в совершенстве. Даже священники (согласно **Йешуа**) должны были в каком-то смысле нарушить закон, запрещающий работать в субботу, чтобы подчиниться закону о жертвоприношении от имени народа. Искажённое состояние физического мира, которым является наше царство, таково, что повиновение Духу закона неизбежно будет временами вступать в противоречие с повиновением букве закона.

Хорошая новость заключается в том, что Мессия пришёл, и грехи, которые мы совершали, совершаем и будем совершать (даже в любви и милосердии), искуплены Им. Но ещё одна хорошая новость заключается в том, что эта неразрешимая головоломка не всегда будет такой. Когда Мессия вернётся и Его Царство будет полностью установлено, этот ужасный выбор больше не будет стоять перед нами. Закон по-прежнему будет действовать, храм снова будет стоять, но конфликта между законами не произойдёт, потому что присущая миру коррупция и всё и вся в нём будут выведены из-под власти сатаны и переданы под власть Мессии. И затем, после тысячелетнего царства, когда нынешние небеса и земля исчезнут и будут созданы новые, сам грех больше не будет существовать. Всё будет так, как Бог задумал с самого начала.

Вернёмся к 21-й главе 1-й книги Царств.

В стихе 8, когда Давид беседовал с Ахимелехом, неподалеку прятался парень по имени Доик. Доик, по-видимому, был приспешником царя **Шауля**. Он был иностранцем, едомитянином, а не евреем. Вполне уместно, что нечестивый

царь Израиля избрал этого необрезанного язычника своими глазами и ушами, чтобы он отвечал за стада. Теперь, когда у Давида была еда, ему было нужно оружие, поэтому он спрашивает священника есть ли оно у них. Как странно, почему Давид подумал, что в святилище Номвы может быть оружие? Интересно, что, как оказалось, в святилище хранился меч Голиафа, и поэтому Ахимелех, зная, что именно Давид забрал меч у Голиафа, решил, что лучше передать его Давиду?

Это ещё один довод в пользу того, что Номва находится там, где находится гора Скопус. Послушайте, что написано о местонахождении меча Голиафа в предыдущей главе 1-й книги Царств.

1 Царств 17:54: «И взял Давид голову Филистимлянина и отнёс её в Иерусалим, а оружие его положил в шатре своём».

Обратите внимание, что Давид отнёс голову Голиафа в Иерусалим, однако там также говорится, что он положил доспехи Голиафа в «свой» шатёр. Этот перевод всегда был сомнительным, и многие учёные оспаривают его. Слово «свой» или «свой собственный» применительно к шатру на самом деле не присутствует в Писании, переводчики предполагают, что это был шатёр Давида. Вероятно, лучшим был бы перевод, что Давид отнёс голову Голиафа в Иерусалим и положил доспехи Голиафа в шатёр. Но о каком шатре идёт речь? Это очевидно: шатровое святилище в Номве, всего в нескольких сотнях метров от городских ворот Иерусалима. Давид подумал попросить оружие в самом маловероятном месте, где его можно было найти (святилище **ЯХВЕ**), потому что он сам принёс этот меч туда всего несколько лет назад и задавался вопросом, может ли он всё ещё оставаться там. Причина его бегства сначала в Номву (из всех маловероятных мест) становится яснее.

Прося вернуть ему его призовой меч, Давид продолжает свой обман и говорит, что причина, по которой он ему нужен, заключается в том, что ему пришлось уехать в спешке, поскольку миссия царя была очень срочной.

В стихе 9 Ахимелех говорит Давиду, что меч завернут в «одежду» и спрятан за ритуальным одеянием. На самом деле эти слова говорят о том, что меч Голиафа был завернут в **симла́** и спрятан за ефодом. **Симла** это повседневная одежда, которую носил простолюдин, еврей. Это была простая скромная одежда типичного бедного еврейского человека: пастуха, ремесленника, полевого работника. Поверх **симла** был надет ефод, который может быть нижним бельём священника. Сначала термин ефод относился к особой части одежды первосвященника, позже это слово стало означать нижнее белье или средний слой одежды, которую носили все священники. Здесь трудно точно сказать, о чём идёт речь.

С хлебом и мечом в руке Давид продолжает своё бегство и направляется в город Геф. Ирония очевидна: Давид, убийца Голиафа, уносит уникальный меч Голиафа с собой в родной город Голиафа в надежде, что его защитят филистимляне! Можно только удивляться, почему Давид выбрал такую рискованную тактику. Примерно в 37 км к юго-западу от Номвы царь Гефа (Анхус) потрясён, увидев стоящего перед ним Давида. Анхус не дурак и сразу узнаёт Давида (меч Голиафа не сильно способствовал маскировке).

Он говорит: «**не это ли Давид, царь той страны?**». Анхус прекрасно знал, что Давид не был царём Израиля, его солдаты годами сражались против царя Саула. Это была своего рода насмешка, когда он смотрел на этого великого воина, о котором женщины пели песни, но теперь растрёпанного и вышедшего из своей зоны комфорта. Можно только представить, что творилось в голове царя Гефа. Что могло заставить Давида появиться здесь? Он должен был быть осторожным, подозрительным и немного обеспокоенным.

Без сомнения, Давид сначала надеялся, что его примут как перебежчика от правительства Саула. Возможно, Анхус увидел бы в нём ценный инструмент для использования против Саула. В конце концов, древняя притча о том, что «враг моего врага - мой друг», не осталась бы незамеченной человеком такого уровня, как Анхус. Но этому не суждено было сбыться. Поведение и тон царя Гефа подсказали Давиду, что он просчитался, придя сюда, поэтому Давид (всегда быстрый на подъём) начал вести себя как сумасшедший. Он начал царапать ногтями дверь и пускать слюни по бороде.

Почему царь просто не приказал убить Давида в этот момент? Какая разница, что Давид был сумасшедшим? Пощадил ли его царь из милосердия к его психическому состоянию? Едва ли. В те времена безумие рассматривалось через призму суеверия. Точно так же, как собственный внутренний двор царя Саула рассматривал приступы ярости и иррациональности Саула как разновидность безумия и пришёл к выводу, что, поскольку безумие вызывается злыми духами, им нужно таинственное противоядие музыки, чтобы противостоять ему, так и для Анхуса нахождение сумасшедшего в его присутствии или убийство этого сумасшедшего может заставить злых духов терзать его или его город.

Итак, царь Гефа сердится на людей, которые привели Давида в его дворец, и хочет знать, почему они так поступили. Он даже высмеивает их, спрашивая, думали ли они своими слабыми умами, что у царя и так достаточно **мешугайм** (сумасшедших людей), бегающих по этому месту!

Уловка Давида сработала, и ему удалось спастись. Но в следующей главе мы узнаём, что Божий план состоял в том, что Давид не должен был покидать свою страну и искать защиты у иностранного государства. Он должен был

доверять Господу свою безопасность. Возможно, с мечом Голиафа на бедре в качестве напоминания Давид вспомнил тот удивительный день в долине Эла не так давно, когда маленький пастух, вооружённый только пращей и столкнувшийся с невероятными трудностями, крикнул огромному филистимскому воину, который возвышался над ним:

1 Царств 17:45: «А Давид отвечал Филистимлянину: ты идёшь против меня с мечом и копьём и щитом, а я иду против тебя во имя Господа Саваофа, Бога воинств Израильских, которые ты поносил».

Господь не собирался позволять Своему помазанному царю умереть раньше времени.

В следующий раз мы рассмотрим 22-ю главу 1-й книги Царств.